

Сегодня мы уже привыкаем к праздникам без фанфар, во многом участь переосмысливанию истории советского государства.

Не все в этой истории было однозначно правильным, и жизнь, судьбы многих людей тому свидетельство. Самое главное, мы должны, наконец, **понять**, что никогда насилие не принесило обществу счастье. Лишь труд, доброта и согласие способны менять жизнь к лучшему. Впрочем, читаемся в эти бесхитростные строки нашего нештатного корреспондента М. П. Хиловой, человека, умудренного жизнью, чтобы стать хоть немного мудрее самим,

чем сесть за стол, приступить к какой-либо работе или отойти ко сну. Это не сумели у них отнять до самой их смерти,

И вот, когда «лодыжка» покрылась голубовато-белыми цветами, к нашей избе (деревянная с соломенной крышей, из двух небольших комнат) подъехала подвода, посадили нас на нее, предвзительно обобрав до нитки, и повезли в неведомые края. Как чертополох с огорода вырывают с корнем, чтобы он засох, так и нас принудительно увезли из родного гнезда — без вины виноватых, старых и малых. . .

Дальше все как у всех таких же, как мы. Телячьи вагоны, дощатые, с двойными нарами, ведро, в которое справляли большую и малую нуж-

ту. Распоролла мама свою юбку и опорожнившийся из-под сухарей мешок, натянула нечто вроде зонта от солнца, дождя, ветра и даже от снега. Стали мы там жить впрятером. Осенью пришел к нам наш отец (отпустили по болезни с железной дороги). Вскоре умерла сестренка (ей двух лет не было), а за нею следом умер отец. Началась зима, а мы все в этом балагане жили.

Потом переселили нас в барак, и какая была радость для меня! Угол этого барака занимала семья с Ниной, Между нами было пять семей, но это не мешало мне наблюдать за Ниной. Барак не отапливался, через дырявую крышу сыпал снег. Но отец Нины над своей постелью сделал навес из де-

ся. Хватает меня на это: родные, близкие, друзья, соседи всегда ощущают мое я».

«Скоро День учителя. Мыслями буду с Вами. Мои цветы — Ваши цветы, мои поздравления — Ваша доля. Обнимаю и целую Вас. Ваша доля в том, что я — старший учитель, отличник просвещения КазССР, СССР».

«Ваше поколение стоическое, это признано всем нашим обществом. И низкий поклон Вам за все: выживание, умение нас принимать и понимать, да еще и утешать. Наверное, Вы все эти последние годы благодарите жизнь за то, что она была к Вам не только жестокой, но и благосклонной и позволила дожить до этих дней. Другим, более достойным

ТУПИК И ДЕВОЧКА

Раиса Максимовна Горбачева пишет книгу о себе, которая будет издана тысячами экземпляров. Я знаю десятки биографий, куда интереснее, чем биография Раисы Максимовны, да вот только записать с моих слов их некому. Они не будут изданы тысячами экземпляров, но если напечатаете мое письмо то думаю одним экспонатом в Осакаровском музее станет больше.

Сначала маленькое отступление от обещанной биографии, но оно имеет отношение к ней, хотя и очень отдаленное.

В 1930 году мой дедушка по чьему-то приказу отвел в колхоз 2 лошади, 2 коровы, 5 овец — это все наше хозяйство. А хлеб по приказу отдать не хотел. Он не забыл еще голод 21-го года, когда тоже по приказу подмели закрома, и он потерял трех внучат. Не хотел он теперь потерять и нас, четырех детей. За это дедушку увезли (умер или умертвили не знаем где), хлеб забрали. Потом и отца увезли. Поговаривали, что увезут и нас куда-то в Сибирь. Казахстан почему-то у нас Сибирью называли.

Весной 1931 года на нашем огороде посадили колхозную картошку. По огороду проходили два неглубоких овражка, они соединялись, а между ними был небольшой клочок земли в форме клина. Мы называли его «лодыжкой», сажали на нем тыкву, она хорошо родилась. Зимой это было большое лакомство: и пироги пекли с тыквой, и целиком томили в печке, а о семечках и говорить не приходится — вкуснее их не бывает.

Так вот эту «лодыжку» почему-то ничем не засеяли. Мама с бабушкой с разрешения властей вскопали этот клочок и засадили картошкой. И знали, что нас увезут и все-таки посадили картошку. Зачем?

Колхозная картошка чуть поднялась от земли, наша цвет набирала. Может, потому, что мама и бабушка с молитвой ее сажали. Они всегда молились, прежде

ду взрослые и дети. О воде и еде лучше не писать.

Иногда я слышала слово «тупик» (опять в тупик загнали), и мне хотелось увидеть его, этот тупик. Я сползала с нар, подошла к стенке вагона у самой двери и в щелку хотела увидеть этот «тупик». Но никакого тупика, видела такие же вагоны, как наш, или рельсы, которые почему-то называли железной дорогой, а я про себя удивлялась, как может лошадь идти по такой узкой дороге да еще тянуть наш вагон. И хотя слышала не раз гудок паровоза, думала, что наш вагон везет лошадь.

В этом душном, вонючем вагоне над моей головой, ^{на верхних нарах, беспрерывно} обертывали медицинской помощи родилась девочка. Родители нарекли ее Ниной. И с этого дня моя жизнь в вагоне изменилась. Я много раз в день сползала с нар, отходила подальше к двери, поднималась на цыпочки, но не «тупик» смотрела, а хотела взглянуть на это крохотное живое существо. Но ни разу не видела. Снова залезла на нары и прислушивалась, затаив дыхание, к звукам этой крохи. То она сосала, причмокивая, то кряхтела, требуя сменить пеленку. Но никогда не плакала, как будто чувствовала, что требовать, чтобы ее искупали или постирали ее пеленку, бесполезно.

Ехали долго. И когда нас выгрузили в Акмолинске, я ее потеряла и надолго. Может, и недалеко где-то она была, я не рисковала отойти от того места, где посадила нас мама. Сама она иногда отлучалась, чтобы выменять нам лепешку или кружку молока, почему-то пахнувшего дымом.

Потом нас снова погрузили в вагоны. Этой семьи в нашем вагоне не оказалось. В Осакаровке снова выгрузили из вагонов. Через какое-то время на подводах повезли в степь. Там уже много было народу. Это место нарекли 11-й точкой, будущий поселок № 11, а ныне село Пришимское. Слава Богу, Ишим был рядом. Воды и воздуха досы-

рюжки. Снег сыпался на эту дерюжку, а на постель к ним не попадал. Время от времени дядя Федя стряхивал с дерюжки снег.

Я очень завидовала, что у них есть такая крыша. Иногда я вылезала из своей постели и шла в их угол. А Нина уже «разговаривала», я отчетливо слышала ее «гу» и еще какие-то звуки. Капризных слез у нее не было, никому в бараке она не надоедала своим плачем. За всю зиму этот ребенок не был ни разу искупан, ни одну пеленку ни разу не постирали, да и у матери не каждый день был во рту глоток теплой воды. Мокрые пеленки дядя Федя ^{на нарах, беспрерывно} обертывали вокруг себя, сушили своим телом. И этот ребенок выжил!

С тех пор и по сей день мы как магнитом притягиваемся друг к другу. Мать Нины умерла от туберкулеза в годы войны, Нина тогда училась в 6 или 7 классе, оставив на ее попечение и на попечение старшей сестры Нины троих малышей. Толику даже четырех лет не было. С фронта вернулся еще отец (теперь и его уже давно нет). Нина оказалась трудолюбивой девочкой. В школе училась хорошо. Мы давно с ней далеко друг от друга, но связи не теряем. Вот что пишет она в своих письмах. «Великое спасибо папе и маме за мой характер (терпеливый и выносливый, ответственный и уживчивый)».

«... Постоянно я чувствую укор, сама к себе его отношу за безымянную могилу матери моей, нашей незабвенной, чудесной мамы, которая так и не увидела нас взрослыми, но продолжила свою жизнь в нас (за это мы всегда ей благодарны и память о ней в сердцах не угаснет до нашей белой березки). Не знаю как и смягчить свое отсутствие на ее могиле. Все, что связано с ней, очень далеко от нас. Темп жизни такой, что трудно... во многом трудно... Но это не оправдание, конечно. Здесь я стараюсь не обойти никого, кто хоть в чем-то нуждается

и нужным, она отказала. Они ушли уже в небытие. Вас мучит и меня уже посещает это — прозрение: так ли жили, так сделали? Все это очень тяжело и грустно. Хочется всех обнять, всех поблагодарить, сказать «прости» людям, которых любил. Я очень часто об этом думаю и вижу, что смысл жизни Вы видите в общении со всеми, кто вам дорог. За это вам поклон земной и огромное спасибо».

«... Помню и мамочку свою, так и не повидавшую нас, выросших, сложивших свою жизнь по-разному, но все-таки удачно. А я, помоему, самая счастливая из пятерых, и это не парадное заявление, не хвастовство. Этим я с вами делюсь от чистого сердца. Мы с Сашей понимаем друг друга и очень Счастливы детьми. Ксюша закончила институт имени Герцена, пошла по моей стезе, с людьми будет работать. Григорий — по отцовской, сейчас уже капитан дальнего плавания. Оба красивые душой и внешнею».

В 1970 году Нина приезжала к нам, спрашивала у мамы моей дату своего рождения. И мама назвала ей точную дату — «картошка цвела». Год два назад в одном из писем она меня спрашивала не было ли у меня с моей мамой разговора о том, когда же все-таки она родилась. И я ей ответила, что год 1931-й, а месяц и число — «картошка цвела». Нигде, никто не записал ее появление на свет, никто не думал выжить в тех условиях.

В этом году ей 60 лет исполнилось, а может исполнится. Никто тогда не вел счет времени. Умершим завидовали, ждали своей смерти живые. А вот не все умерли, выжили, и теперь живем и стараемся творить добро людям, как делали наши родители. А «врагами народа», как нас считали, мы никогда не были, хотя первый свой паспорт да и второй тоже я получила со статьей 58.

Пусть Господь простит обиды, обижавшим нас, а мы прощаем. М. ХИЛОВА.